

II. ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2022-11-298-305>

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ СТАТЬИ В. БОНЗИПЕНА «УЧЕНИЕ ГЕГЕЛЯ О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ, ПРЕДСТАВЛЕННОЕ НА ОСНОВЕ ДВУХ ДОРАБОТАННЫХ КОНСПЕКТОВ ЛЕКЦИЙ»

АНТОН ФОМИН

Кандидат философских наук, доцент.

МГУ имени М. В. Ломоносова.

119991 Москва, Россия.

E-mail: ontol@philos.msu.ru

АЛЕКСАНДР ФРОЛОВ

Кандидат философских наук, старший преподаватель.

МГУ имени М. В. Ломоносова.

119991 Москва, Россия.

E-mail: alloff2008@yandex.ru

Статья Вольфганга Бонзипена посвящена генезису философии природы Гегеля. В ней показывается, что формирование натурфилософских взглядов немецкого философа происходило не только в спекулятивном ключе, в процессе критической рецепции сочинений Шеллинга, но, в первую очередь и по большей части, было предопределено собственным интересом Гегеля к естествознанию и знакомством с некоторыми видными учеными того времени. Основное внимание автор статьи сосредотачивает на эволюции первой части натурфилософии Гегеля — учении о пространстве и времени. Поводом для такого исследования послужили выдержки из двух доработанных конспектов лекций по философии природы, читавшихся Гегелем в зимнем семестре 1821/22 года в Берлинском университете. Они публикуются в качестве приложения к статье Бонзипена. В своей статье Бонзипен приводит исторические сведения о судьбе этих текстов, поднимает вопрос их авторства, дает общий абрис гегелевской мысли, а также сравнивает их со вторым изданием «Энциклопедии философских наук». С его точки зрения, доработанные конспекты позволяют отчасти проиллюстрировать, отчасти восполнить некото-

© ANTON FOMIN, ALEXANDER FROLOV, 2022

рые пробелы в диалектике двух форм абстрактной внешности, известной на основе «Энциклопедии». Бонзипен отмечает, что спекулятивное рассмотрение Гегелем пространства и времени дополняется у него разбирательством с историей философии и историей математики. Упрекая традиционную математику в заикленности на количественном аспекте реальности, не позволяющем полноценно разрешить противоречие между пространством и временем, Гегель в то же время отказывается от попыток построения философской математики, сосредотачивающейся на рассмотрении качественной определенности моментов пространства и времени, объявляя это хотя и разрешимой, но чрезвычайно трудоемкой задачей. Этот отказ становится поворотным пунктом в дальнейшем развитии диалектического учения о пространстве и времени.

Ключевые слова: Гегель, натурфилософия, природа, диалектика, время, пространство, онтология.

THE PREFACE TO THE TRANSLATION OF *W. BONZIPEN'S* ARTICLE “HEGEL'S DOCTRINE OF SPACE AND TIME, PRESENTED ON THE BASIS OF TWO REVISED LECTURE NOTES”

ANTON FOMIN

PhD in Philosophy, Associate Professor.
Lomonosov Moscow State University.
119991 Moscow, Russia.
E-mail: ontol@philos.msu.ru

ALEXANDER FROLOV

PhD in Philosophy, Senior Lecturer.
Lomonosov Moscow State University.
119991 Moscow, Russia.
E-mail: aloff2008@yandex.ru

The article is devoted to the genesis of Hegel's philosophy of nature. It shows us that the formation of the natural philosophical views of the German philosopher took place not only in a speculative way, in the critical reception of Schelling's works, but, first of all and for the most part, was predetermined by Hegel's own interest in natural science and acquaintance with some prominent scientists of that time. The focus of the paper is on the evolution of the first part of Hegel's natural philosophy: the doctrine of space and time as it presented in some excerpts from two revised lecture notes on the philosophy of nature, read by Hegel in the winter semester of 1821/1822 at the University of Berlin and published as an appendix to the article by Bonzipen. In his article, Bonzipen provides historical information on the fate of these texts, raises the question of their authorship, gives a general outline of Hegel's thought, and also compares both texts with the second edition of the *Encyclopedia of Philosophical Sciences*. From his point of view, the revised notes allow partly to illustrate, partly to fill in some gaps in the dialectic of two forms of abstract appearance known on the basis of the *Encyclopedia*. Bonzipen notes that Hegel's speculative consideration of space and time is complemented by a discussion with the history of philosophy and the history of mathematics. While reproaching traditional mathematics for being fixed on the quantitative aspect of reality, which does not allow to fully resolve the contradiction between space and time, Hegel at the same time refuses to attempt to build philosophical mathematics that focuses on the

consideration of the qualitative certainty of the moments of space and time, declaring that although it is solvable, it is an extremely time-consuming task. This refusal becomes a turning point in the further development of the dialectical doctrine of space and time.

Keywords: Hegel, philosophy of nature, nature, dialectic, time, space, ontology.

Вольфганг Бонзипен — известный немецкий историк философии, который, начиная с 1960-х годов, совместно с Фридрихом Николином, Отто Пёггелером и Вальтером Йешке участвовал в подготовке нового полного собрания сочинений Гегеля. Потребность в переиздании наследия немецкого философа была мотивирована, с одной стороны, тем, что в первом восемнадцатитомном издании, подготовленном «Обществом друзей покойного» (*Verein von Freunden des Verewigten*), отсутствовали многие важные тексты: листовка о политических условиях в Вюртемберге, комментарии к метафизике нравов Канта, а также к национальной экономике Стюарта, — в настоящий момент эти сочинения считаются утраченными. Также в издание не вошли ранние религиозно-философские сочинения Гегеля, «Наброски системы» (*Systementwürfe*) йенского периода, отсутствовали также тексты, написанные Гегелем за восемь лет до начала его работы в Нюрнбергской гимназии, имеющие решающее значение для понимания генезиса его «Науки логики» и «Энциклопедии философских наук». С другой стороны, в издании 1832–1845 гг. некоторые тексты Гегеля подверглись серьезной редакторской переработке, превратившись, по сути, в компиляцию оригинальных работ Гегеля и фрагментов, заимствованных из конспектов его лекций.

Идея переиздания наследия немецкого философа возникла еще на рубеже XIX–XX столетий, однако тогда этому проекту помешали реализоваться социально-политические трансформации, происходившие в Германии, а также последовавшие за этим две мировые войны. К вопросу о необходимости переиздания полного собрания сочинений Гегеля решено было обратиться вновь только в 1957 году. При поддержке Немецкого исследовательского общества (DFG) правительство федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия учредила Гегелевский архив (*Hegel-Archiv*), который первоначально находился в Бонне, но в 1960-х гг. был перемещен в Бохум, став структурным подразделением Рурского университета. Усилиями его сотрудников была проведена ревизия сохранившихся сочинений Гегеля, а также разработана новая издательская концепция. Если в основе замысла первого издания собрания сочинений Гегеля 1832–1845 гг. лежала попытка репрезентации системы Гегеля в завершенной форме, свободной от слабых мест, могущей таким образом противостоять на-

чинавшимся уже в то время критическим нападкам, то новое издание сделало основную ставку на непредвзятое и при этом максимально полное представление гегелевской мысли. Оно получило трехчастную структуру. Первая часть, насчитывающая 22 тома, включает в себя те сочинения Гегеля, которые были написаны им самим. Вторая часть, тома 23–30, содержит записи лекций Гегеля (по эстетике, натурфилософии и философии религии), сделанные его учениками. Наконец последняя, третья часть, тома 31,1 и 31,2, представляет каталог библиотеки Гегеля вместе с комментариями.

Подготовка нового издания собрания сочинений Гегеля растянулась на многие десятилетия (формально проект был завершён только в 2016 году), поскольку предполагала чрезвычайно кропотливую работу по поиску, расшифровке и редакторской обработке уникальных рукописных источников. По мере продвижения этой работы некоторые ранее неизвестные материалы из гегелевского наследия публиковались в журнале «Гегелевские исследования» (*Hegel-Studien*), учреждённом при Гегелевском архиве практически с момента его основания. Одной из таких публикаций является статья Вольфганга Бонзипена «Учение Гегеля о пространстве и времени, представленное на основе двух доработанных конспектов лекций»¹. Эта работа является историко-философским предисловием к тексту, который следует непосредственно за ней и который, собственно, обладает первостепенной важностью, — фрагментам двух доработанных конспектов лекций Гегеля зимнего семестра 1821/22 гг., сделанных его учениками². В своей статье Бонзипен приводит исторические сведения о судьбе этих текстов, поднимает вопрос их авторства, даёт общий абрис гегелевской мысли, а также сравнивает их со вторым изданием «Энциклопедии философских наук».

К предисловию Бонзипена мало что можно добавить по существу, поэтому сосредоточимся на некоторых переводческих решениях.

В русском языке сложно подобрать точный и благозвучный аналог для немецкого слова *Nachschrift*. Обычно это слово переводят как «конспект», *Vorlesungs-Nachschrift* — «конспект/запись лекции». Однако это не совсем точно. Потребность в разъяснении смысла этого слова возникает уже в первом абзаце, когда В. Бонзипен противопоставляет *Nachschrift* и *Mitschrift*. Оба слова близки

¹ Статья была опубликована в 20 номере журнала «Гегелевские исследования» за 1985 год (Bonsiemen, 1985, 9–38).

² Работа над подготовкой к печати полного текста этих двух доработанных конспектов лекций заняла у Бонзипена многие годы. Они были опубликованы уже после его смерти, в 2016 году, в составе 24 тома собрания сочинений.

по смыслу русскому «конспект», но речь в данном случае не идет о противопоставлении хорошего и плохого конспекта или о противопоставлении рукописного и печатного текста. Под *Mitschrift* подразумевается такая запись, которая велась непосредственно во время устного выступления, например, чтения лекции. *Nachschrift* — слово с более расплывчатыми смысловыми границами. Главным отличительным признаком *Nachschrift* от *Mitschrift* является то, что этот текст возникает, спустя некоторое время, в результате обработки какого-то письменного материала. Во времена Гегеля этим материалом мог служить как один конспект лекций, сделанный студентом в аудитории собственноручно (*Mitschrift*), так и несколько конспектов, составленные разными слушателями. В первом случае процесс изготовления *Nachschrift* выглядел примерно так: сразу или вскоре после лекции студент перерабатывал свои записи, дополнял и расширял их, восстанавливая в памяти буквальные формулировки или используя свои знания, почерпнутые на дополнительных занятиях по предмету, так называемых репетиториях (*Repetitorium*), фиксировал все это на бумаге вчерне, а потом переписывал дополненный и переработанный текст набело. Во втором случае составитель сравнивал между собой несколько записей разных слушателей и компилировал на их основе наиболее полный и развернутый текст лекций, который также переписывался набело. В соответствии со своими компетенциями составитель *Nachschrift* мог добавить в текст точные библиографические ссылки, например, указания параграфов из основного учебника, иноязычные цитаты (например, греческие или латинские) и т. п. В этой связи можно констатировать определенный смысловой диссонанс между немецким *Nachschrift* и русским «конспект». В случае *Nachschrift* речь действительно идет о рукописном тексте, но вовсе не о беглой записи, лишь тезисно фиксирующей мысль лектора, а также не о той записи, которая появляется непосредственно в ходе прослушивания лекции.

Перевод *Nachschrift* словосочетанием «слушательская запись» видится также не совсем удачным. Во-первых, данное выражение кажется слишком расплывчатым: это запись то ли одного, то ли нескольких слушателей, то ли во время, то ли после прослушивания лекции. Во-вторых, «слушательская запись» явным образом указывает на то, что автором данного текста является слушатель или слушатели, одним словом тот, кто реально посещал лекционные занятия. Между тем, во многих случаях это не так. Очень часто *Nachschriften* изготавливались на заказ, — записи лекций популярных лекторов даже предлагались на продажу, — так что вполне возможно, что их авторами были не действующие, а уже бывшие студенты или своеобразные копирайтеры.

Проблема авторства возникает также в том случае, если рассматривать *Nachschrift* как некий палимпсест: большая часть рукописи могла быть создана одним человеком, который затем передал или продал ее другому человеку (как раз о таком случае рассказывает В. Бонзипен в III разделе своей статьи), а тот в свою очередь внес в нее какие-то свои незначительные пометки или комментарии, написал на титульном листе свою фамилию, присвоив ее себе таким образом не только в смысле имущества, но и в смысле авторства. Ввиду этого, нам кажется оправданным использовать для перевода *Nachschrift*, быть может, менее благозвучное, но зато более точное выражение «доработанный конспект». Здесь, как представляется, обходится проблема авторства, а также вводится имплицитное различие между конспектом как записью лекции, сделанной на слух (*Mitschrift*), и конспектом как доработанной записью лекции.

Что касается непосредственно перевода текста доработанных конспектов, то он был выполнен максимально буквально. Пожалуй, главным камнем преткновения в этой связи стало слово *Außereinander*. В силу своего кустарного происхождения оно таит в себе некоторые трудности для понимания и заслуживает поэтому отдельного комментария. Это субстантив, но субстантив нетипичный. Он образован не от глагола, что в немецком языке встречается достаточно часто, а от предлога *außer*, имеющего значения «вне», «кроме», «помимо», «за [пределами чего-то]». В отечественной традиции это слово принято переводить как «внеположенность» или «разобщенность», то есть либо добавлять опущенный глагол («полагать»), либо указывать на растождествление (нарушение) некоторого изначального единства. Оба варианта кажутся, тем не менее, не совсем удачными. Слово «внеположенность» имплицитно подразумевает некоторую активность субъекта, собственно, того, кто полагает одно вне другого, тогда как у Гегеля речь идет о том, что эта внешность имеет место сама по себе (для-себя). Слово же «разобщенность» говорит о том, что одно не имеет общих элементов с другим, одно не есть то же самое, что и другое. Однако это вовсе не исключает возможности того, что одно может находиться в другом. Последнее явно противоречит мысли Гегеля. Буквально слово *Außereinander* можно понять как внешность или внаходимость одного по отношению к другому. Между тем, мы остановились на другом, кажущемся чуть более благозвучным, хотя и не менее громоздком, варианте — «экстериорность одного по отношению к другому». Такое решение было принято потому, что слово «экстериорность», в отличие от «внешности» и «внаходимости», имеет созвучный антоним (интериорность), явным образом маркируя важную для Гегеля оппозицию внешнее-внутреннее. Безусловно, этот вариант перевода не является безупречным, поэтому

езде, где встречается слово *Außereinander*, в скобках в качестве альтернативы дан более распространенный вариант перевода («внеположенность»), а также приведена немецкая лексема.

В целом же переводчики ориентировались на советскую традицию передачи смысла основных слов и выражений, в редких случаях предлагая свои альтернативные варианты.

ГЛОССАРИЙ

Abgesondertsein, das — обособленность

Allgemeine, das — всеобщее

Allgemeinheit, die — всеобщность

Anderssein, das — инобытие

Anderswerden, das — становление-иным

Aufgehobensein, das — снятость

Aufhören, das — разрыв

Ausschließende, das — исключяющее начало

Außereinandersein, das — бытие-вне-друг-друга

Außereinander, das — экстериорность одного по отношению к другому, внеположенность

äußerlich — внешний

Äußerliche, das — внешнее

Äußerlichkeit, die — внешность

Äußerlichsein, das — бытие-внешним

Außersichgehen, das — из-себя-исхождение

Außersichkommen, das — из-себя-выхождение

Außersichsein, das — вне-себя-бытие

Außersichselbst, das — нечто вне-себя

Begierde, die — желание

Beharren, das — устойчивость

Bestehen, das — наличествование, существование

Beziehungsraum, der — пространство отношений

Dasein, das — наличное бытие

Dialektische, das — диалектическое

Eins, das — «одно», единица

Erfülltsein, das — бытие-исполненным

Fläche, die — плоскость

Gebundensein, das — бытие-связанным

Gedankenbestimmung, die — мыслимое определение

Gesetzsein, das — положенность

Gestalt, die — вид

Geteiltsein, das — делимость

gleichgültig — индифферентный

Gleichgültigkeit, die — индифферентность

Idealisieren, das — идеализирование

Idealität, die — идеальность

Ideelle, das — идеальное

Insichsein, das — внутри-себя бытие

Mitschrift, die — конспект лекции, сделанный в аудитории на слух

Nachschrift, die — доработанный конспект

Nebeneinander, das — сосуществование

Negation, die — отрицание	Ubiquität, die — вездесущность
Negative, das — отрицательное	Unbefriedigte — неудовлетворенное
Negativität, die — отрицательность	Ungeteiltsein, das — неделимость
Nichtaußereinander, das — не-экстериорность одного по отношению к другому, внутрисложенность	Unterschied, der — различие
Nichtige, das — ничтожное	Unterschiedenheit, die — различность
Oberfläche, die — поверхность	unterschiedslos — неразличимый
Ruhe, das — покой	Unterschiedslosigkeit, die — неразличимость
Sempiternität, die — вечность	Verschiedenheit, die — разность
Sichaufheben, das — самоснятие	Wesenslose, das — то, что не имеет сущности
Sichäußerlichsein, das — бытие-внешним по отношению к себе	Wesentliche, das — то, что есть по сущности
Sichselbstäußerliche, das — внешнее по отношению к самому себе	Zeitfreiheit, die — свобода от времени
	zeitlos — вневременный
	Zeitlosigkeit, die — вневременность

REFERENCES

Bonsiepen, W. (1985). Hegels Raum-Zeit-Lehre. Dargestellt anhand zweier Vorlesungsnachschriften. *Hegel-Studien*, 20, 9–38.